

Исламское образование в России: теория, история, современные реалии

DOI [10.31162/2618-9569-2018-11-1-38-51](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-1-38-51)

УДК 297.17:[94+376.72](470.53) «18/19»

ВАК 07.00.02

Исламские и татаро-башкирские учебные заведения Перми в конце XIX – первой половине XX века

А. Н. Старостин^{1, 2}, И. А. Бибарсов³

¹ Уральский государственный горный университет,

г. Екатеринбург, Российская Федерация

² Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,

г. Екатеринбург, Российская Федерация, alisheria@mail.ru

³ Духовное управление мусульман Пермского края (Пермский мухтасибат),

г. Пермь, Российская Федерация, balshakperm@gmail.com

Аннотация: в статье рассматривается история развития исламских и татаро-башкирских учебных заведений в г. Перми в конце XIX – начале XX в. как значимых институтов городской мусульманской и татаро-башкирской общины; определяются основные периоды становления содержания образования в данных учебных заведениях; анализируются источники финансирования, уровень подготовки учащихся, состояние педагогических кадров; изучаются основные этапы трансформации политики городских и региональных властей в отношении учебных заведений в различных политических условиях.

Ключевые слова: башкиры, имам, медресе, мектебе, мечеть, мударис, мусульмане, Пермь, татары

Для цитирования: Старостин А. Н., Бибарсов И. А. Исламские и татаро-башкирские учебные заведения Перми в конце XIX – первой половине XX века. *Минбар. Исламские исследования.* 2018;11(1):38–51. DOI: [10.31162/2618-9569-2018-11-1-38-51](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-1-38-51).

Islamic and Tatar-Bashkir Educational Institutions of Perm in the Late 19th – First Half of the 20th Centuries

Aleksey N. Starostin^{1, 2}, Ilham A. Bibarsov³

¹ Ural State Mining University, Yekaterinburg, Russian Federation

² Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation, alisheria@mail.ru

³ Spiritual Management of Muslims of the Perm region (Permian muhtasibat), Perm, Russian Federation, balshakperm@gmail.com

Abstract: the article considers the history of the development of Islamic and Tatar-Bashkir educational institutions in Perm in the late 19th – early 20th centuries, as significant institutions of the urban Muslim and Tatar-Bashkir communities; the main periods of the

formation of the content of education in these educational institutions are determined; the sources of funding, the level of students' training, the state of teaching staff are analyzed. The main stages of the transformation of the policy of urban and regional authorities towards educational institutions in different political conditions have been studied.

Keywords: Bashkirs, imam, madrasah, mektebe, mudaris, moslems, mosque, Perm, tatars

For citation: Starostin A. N., Bibarsov I. A. Islamic and Tatar-Bashkir Educational Institutions of Perm in the Late 19th – First Half of the 20th Centuries. *Minbar. Islamic Studies*. 2018;11(1):38–51. DOI: [10.31162/2618-9569-2018-11-1-38-51](https://doi.org/10.31162/2618-9569-2018-11-1-38-51).

Введение

Мусульманская община столицы Пермской губернии, как и многих других городов Урала и Сибири, начала складываться после реформ императора Александра II, когда в город стали приезжать татары и башкиры – вначале из окрестных сёл, а потом и из Поволжских губерний. По мнению оренбургского историка Д. Н. Денисова, формирование мусульманских общин в городах и промышленных посёлках Урала в этот период происходило вследствие урбанизационных процессов и трудовой миграции. Оно было обусловлено расширением металлургического производства на Урале, испытывавшем потребность в рабочей силе, развитием сети железных дорог, которые увеличили приток мусульман из малоземельных районов [1]. В Пермь кто-то приезжал и по торговым делам, организуя здесь своё дело и приобретая недвижимость. Приезжали и на заработки, сначала в качестве сезонных рабочих, затем находили постоянную работу и, обустроив свою жизнь, пускали корни. Так постепенно в городе складывалась мусульманская община.

Стремясь удовлетворить свои духовные потребности, мусульмане Перми достаточно рано по сравнению с мусульманами других городов (например, Екатеринбурга и Челябинска) создают общинные институты¹. По меньшей мере уже с 1887 г. мусульмане Перми имели своё молитвенное помещение, размещавшееся в здании, принадлежащем одному из купцов. А количество мусульман, проживавших в городе, составляло около 650 человек [4, с. 233].

Можно предположить, что молитвенное помещение появилось гораздо раньше, так как, согласно «Ведомости по числу приходов и духовных лиц»

¹ Казанский исследователь А. А. Мухаметзянов выделяет четыре ключевых института мусульманской общины: сообщество верующих, проживавших на определённой территории, объединённых профессиональными, соседскими и родственными отношениями; приходской служитель как главный распорядитель в конфессиональной сфере, следивший за исполнением религиозных обязанностей и соблюдением норм мусульманского права; мечеть, представлявшая собой не просто отдельное помещение для отправления культа, но и своеобразный общинный «клуб», где решались насущные вопросы повседневной жизни общины; конфессиональное учебное заведение (мектебе и медресе, хотя до 1880-х годов в империи все неправомочно назывались медресе), выступавшее очагом исламского просвещения и воспитания, постоянного воспроизводства кадров мусульманских проповедников и педагогов [2, с. 17]. Нами в 2010 г. добавлен ещё один институт – благотворители, физические или юридические лица на добровольных и безвозмездных началах оказывающие финансовую помощь общине [3].

Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), ещё 30 июня 1876 г. указом Пермского губернского правления за № 3594 в должности городского муллы, а также в званиях имама, замига и мугаллима был утверждён Нурулла Хайризамович Мурзакаев (р. 1851), позднее удостоенный почётного звания ахуна². И хотя дата организации прихода в Перми в данном источнике не указана, молитвенное помещение должно было уже быть, раз в 1876 г. появился первый мулла!

История пермских мусульманских учебных заведений

В этом же году в Перми были организованы сразу три школы – одна мужская и две женские. Далеко не все мусульмане были грамотны. По данным всеобщей переписи населения Российской империи, в г. Перми в 1897 г. проживало 848 мужчин и 450 женщин, исповедовавших ислам. Из них грамотными были только 296 мужчин и 109 женщин, вероятно, это выпускники или учащиеся пермских учебных заведений [5, с. 98–121].

Достаточно подробные сведения об истории мектебе и медресе Перми, изучаемых в них предметах и преподавательском составе приводятся в рапорте Пермского полицмейстера, составленном на имя Пермского губернатора Ивана Францевича Кошко от 22 октября 1913 г. Вот что сказано в данном документе под грифом «совершенно секретно»:

«Вследствие письма от 7 октября за № 1009, имею честь донести Вашему Превосходительству, что в Перми существуют следующие магометанские школы.

Магометанская школа, по Осинскому проулку в доме № 9 Ибатуллина, открытая в 1876 г. с разрешения Инспектора народных училищ. В делах школы разрешения этого не имеется. Школа эта разделяется на два отделения – начальное мектебе и высшее отделение – медресе. Обучение в этой школе производится исключительно на татарском языке по следующей программе: в мектебе в 1-м отделении – обучение по букварю, во 2-м отделении – закон Божий на арабском языке, чтение по книгам на татарском языке, арифметика устная и диктовка, в 3-м отделении – закон Божий, арифметика (сложение и вычитание), диктовка тажауид (правильно «таджвид». – А. С., И. Б.) (правильное чтение кораны) (так в источнике. – А. С., И. Б.) и в 4-м отделении – закон Божий, арифметика (умножение и деление), чистописание, чтение кораны, география (России), история, диктовка и этимология. В медресе – в 1-м отделении: закон Божий, арифметика (над целыми числами), изречения Магомета (изложение на родном языке), арабский язык, этимология, чтение, священная история, кораны и география Европы. Во 2-м отделении: закон Божий, изречения Магомета, арифметика (простые дроби), арабский язык (синтаксис), история, география и изложение, и в 3-м отделении – закон Божий, изречения Магомета, арифметика (десятичные дроби), арабский язык (синтаксис), исто-

² Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф. И-295. Оп. 2. Д. 8. Л. 615 об.–616.

рия России, изложение на родном языке и география. Все учебники, принятые в этой школе, при сём представляются.

По означенной программе преподают уроки: в мектебе – в 1-м отделении помощник муллы Валиулла Ильясов, окончивший курс в медресе в Перми, во 2-м отделении Салиман Давлетбаев, окончивший медресе в Перми, в 3-м отделении Латыф Акзигитов, окончивший курс в том же медресе, в 4-м отделении Хуснутдин Хасанов и Хавибрахман Вадгин, окончившие также медресе первый в Перми, а второй в Казани. В медресе: те же Хасанов и Вадгин. Всех учащихся в этой школе в мектебе и медресе 175 мальчиков в возрасте от 8 до 16 лет.

В прошлом 1912 г. одним из преподавателей был поднят вопрос в мечети о необходимости преподавания в мектебе и медресе русского языка, но предложение это стариками татарами отвергнуто.

Женская татарская школа – мектебе по Монастырской ул. в доме № 73 (дом принадлежал одному из представителей купеческой династии Тимкиных. – А. С., И. Б.).

Женская татарская школа – мектебе по Покровской ул., в доме Хасразаманова. Обе эти женские школы открыты в том же 1876 г., что и мужская школа. Разрешений в них также не имеется.

Программа и учебники те же, что и в мужской школе. Преподавательницами в первой состоят вдовы мулл: Хасанова и Бачурина, обе домашнего образования, а во второй жена муллы Хасразаманова тоже домашнего образования. В первой школе учатся 96 девочек, а во второй 60.

Все указанные три татарские школы содержатся на средства, отпускаемые: Пермской губернской земской управой в размере 300 рублей в год, Пермской уездной земской управой 500 рублей в год, Пермской городской управой 500 рублей, и, кроме того, магометанское общество ежегодно вносит причитающуюся с него по раскладке сумму. Попечителем всех этих школ состоит Пермский купец Зиганша Ибатуллович Ибатуллин и мулла Хасразаманов.

Каких либо неблагоприятных данных о направлении той или иной из указанных школ или отдельно кого-либо из преподавателей у меня не имеется и преследований против кого-либо из них не возбуждалось»³.

Где располагался дом муллы Хасразаманова, достоверно неизвестно, более того, в числе дореволюционных имамов Перми данный человек не значится и ни в каких других известных авторам источниках, кроме этого, не упоминается⁴. Зато о других упомянутых в рапорте людях некоторая информация имеется. Так, преподаватель Валиулла Ильясов являлся муэдзином Пермской соборной мечети, открытой в 1903 г., а также имел педагогическое звание мугаллим-сабиана (педагога, имевшего право обучать детей младшего возраста). На должность муэдзина он был назначен указом Пермского губернского правления от 2 августа 1906 г. № 3284. Преподаватель женского медресе Бачурина –

³ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 65. Оп. 3. Д. 689. Л. 13–14.

⁴ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 2. Д. 8. Л. 615 об.–616.

вероятно, Раифа Гайнуллина Байчурина, жена хатыба Пермской соборной мечети Лутфулла Гарифулловича Байчурина (назначен на должность указом Пермского губернского правления 27 апреля 1909 г. № 2427, курировал работу мектебе и медресе), с которым проживала в Перми по адресу: ул. Торговая улица, дом № 80, принадлежавшем г-ну Пепеляеву⁵ [6, с. 14–17].

Если в рапорте пермского полицмейстера указаны суммы, которые направляли на поддержку исламского образования управы, то об ассигнованиях мусульманских благотворительных обществ ничего не говорится. Об этом находим информацию в других документах. В то время в Перми действовало два мусульманских общества: Мусульманское благотворительное и просветительское общество, которое возглавляли купцы и меценаты Зиганша Ибатуллин и Хавиз Ибрагимович Тимкин (спонсоры строительства Соборной мечети)⁶ [7], и Пермское мусульманское культурно-экономическое и благотворительное общество, которым руководил Гисматулла Гайнуллин⁷. В отчёте второго общества, содержавшего, кстати, на свои средства Ремесленное училище для детей мусульман в с. Кояново, находим информацию о том, что в 1910 г. на Пермское женское медресе было израсходовано 80 руб.⁸

Также в рапорте пермского полицмейстера говорится о том, что в 1912 г. одним из преподавателей был поднят вопрос о необходимости преподавания в мектебе и медресе русского языка, но предложение это стариками-татарами было отвергнуто. Такая ситуация была практически во всех мусульманских учебных заведениях Пермской губернии, которых, по данным инспекторов народных училищ, на 1 января 1913 г. насчитывалось 198 (мектебе) и 22 (медресе). «Преподавание в сих мектебе и медресе ведётся на родном языке учащихся. К сожалению, предпринимаемые мною за последнее время меры через местных инспекторов народных училищ – склонять магометанские общества к открытию при мектебах и медресах (так в источнике. – А. С., И. Б.) классов русской грамоты на достигают цели благодаря главным образом отсутствию на то средств, а также косности и фанатичности мусульман...», – сетовал в 1913 г. один из губернских чиновников, курирующий развитие образования⁹.

Но, судя по всему, усилия инспекторов нашли понимание у прогрессивной части мусульманской общины г. Перми, среди которых было немало джадидов (от араб. جديد *jadīd* – «новый») – сторонников введения в мектебе и медресе звукового метода обучения грамоте взамен прежнего буквослагательного, рас-

⁵ ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 2. Д. 8. Л. 615 об.–616.

⁶ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 104. Л. 29–31; *Уральский торгово-промышленный Адрес-календарь на 1903 год*. Пермь; 1902. 372 с.; *Устав мусульманского благотворительного и просветительского общества в Перми*. Казань; 1909. 10 с.

⁷ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 104; *Уральский торгово-промышленный Адрес-календарь на 1906 год*. Пермь; 1906. 510 с.

⁸ ГАПК. Ф. 65. Оп. 5. Д. 104. Л. 60.

⁹ Там же. Оп. 3. Д. 689. Л. 81–82.

пространённого в большинстве мусульманских учебных заведений Российской империи. Также сторонники джадидизма выступали за введение в учебных заведениях светских предметов и изучение русского языка¹⁰ [8].

3 июня 1914 г. от имени правления Пермского мусульманского благотворительного и просветительского общества на имя пермского губернатора И. Ф. Кошко поступило прошение следующего содержания: «В последние годы среди родителей татар стало очень заметно проявляться желание дать своим детям хотя бы начальное обучение мусульманскому и русским языкам. Идя навстречу к вполне естественному культурному желанию, Правление мусульманского общества сочло своим нравственным долгом выяснить этот вопрос на своём общем собрании, состоявшемся 29 декабря 1913 г. в числе 50 членов общества. Собрание приняло во внимание, что существующие мусульманские школы в Перми не вполне отвечают этой цели, а именно: нет правильной учебно-воспитательной постановки, а главное, совершенно не преподаётся русский язык. Единогласно постановило открыть с нынешнего же 1914/1915 учебного года в г. Перми русско-татарскую школу в 2 класса с обязательным преподаванием во 2-м классе русского языка на 40 или более учениц-девочек и о разрешении открытия школы поручило ходатайствовать своему Правлению. Ввиду изложенного имеем честь покорнейше просить Ваше Превосходительство разрешить нам открыть в г. Перми русско-татарскую школу с вышеуказанной программой с наступающего 1914/15 учебного года и об этом нас поставить в известность. При чём присовокупляем, что с аналогичным ходатайством мы обратились к директору народных училищ Пермской губернии»¹¹. Аналогичным образом было преобразовано в «нормальное 2-классное инородческое училище» Пермское медресе для юношей¹².

Учебные заведения в Перми в советский период

Однако неумолимо приближалась революция 1917 г., которая радикально изменила судьбу страны и всех её институтов, в том числе систему образования для мусульман г. Перми и губернии.

В 1918 г. начали создаваться Комиссариаты по делам мусульман, в частности, такой орган появился при Мотовилихинском горисполкоме. «Комиссариаты по делам мусульман были организованы центральной властью тогда, когда стала ясно видна полная изолированность национальных мусульманских советов от мусульманского пролетариата, бесполезность и даже вредность их в деле

¹⁰ Идеологами джадидизма были просветители (Шигабутдин Марджани, Хусаин Фаизханов, Исмаил Гаспринский, Муса Бигеев, Ризаэтдин Фахретдинов, Мифтахетдин Акмудла, Мухаметсалим Уметбаев, Зайнулла Расулев), прогрессивные представители татарских предпринимателей (братья Хусаиновы и Рамеевы из Оренбурга, Яушевы из Троицка, С. Назиров и Г. Хакимов из Уфы) и мусульманского духовенства (З. Камалетдинов, К. Закир, А. Абубакиров).

¹¹ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 689. Л. 100.

¹² Там же. Л. 82.

более или менее успешной ориентации мусульманских трудовых масс в современном государственном строю, ибо эти муссоветы своей узко национальной почти шовинистической политикой во многих местностях чуть не подняли мусульманских рабочих... против власти советов», – объясняли цель деятельности данной организации члены Мотивилихинского Комиссариата. Одной из главных своих задач Комиссариат считал: «просвещение и объединение рабочих мусульман на почве признания и поддержания советов». Для этого предполагалось устраивать курсы грамоты для взрослых, открыть библиотеки-читальни с политической литературой и лево-социалистическими газетами, «чтобы и наш мусульманский рабочий наравне с русскими мог знакомиться и разбираться в текущих политических делах». Также Комиссариат предполагал организовать чтение политических лекций на татарском языке для рабочих мусульман, поднять уровень образования мусульманского населения, школьного и внешкольного образования, ввести обязательное начальное образование для детей обоего пола и определённого возраста для мусульманской части населения¹³. Однако претворить эти планы в жизнь помешала гражданская война и присутствие армии адмирала А. В. Колчака на территории Пермской губернии. После отступления белых задачи по развитию системы образования для мусульманского населения взял на себя Подотдел просвещения национальных меньшинств при губернском отделе народного образования, учредительное заседание которого прошло в Перми 29 декабря 1919 г. под председательством К. Мухтарова. В докладах о ситуации в образовании мусульман (пока данный термин еще активно используется) и обсуждении планов его развития участники совещания обратили внимание на «недостаток работников, на неудовлетворительный уровень культурности мусульманских учителей, на недостаточное количество учителей по губернии». В итоге совещания было решено, что деятельность подотдела будет охватывать как дошкольное, так и школьное образование¹⁴.

В итоге в 1920-е годы в Перми начала выстраиваться новая советская система образования для мусульман. Стали возникать мусульманские детдома, детсады, школы, клубы. Необходимо понять, что появление в городах Урала различного рода «мусульманских» заведений зачастую не носило никакого религиозного характера. Слово «мусульманский» было лишь вывеской, показателем, на какую категорию жителей ориентируются данные заведения. И если в 1917–1918 гг. большевики потакали удовлетворению религиозных нужд мусульман, то с 1919 г. воспитание подрастающего поколения шло отнюдь не в исламском духе [9, с. 56]. «Религия делается основным национальным признаком, – говорил на 1-м Всероссийском мусульманском съезде в мае 1917 г. в Москве известный мусульманский политик Ахмедбек Цаликов. – В сравнении с религией язык является моментом второстепенным. Это особенно становится ясным, если мы примем во внимание универсальный характер ислама. Отсюда можно сделать

¹³ ГАПК. Ф. р-36. Оп.1. Д. 4. Л. 1–3 об.

¹⁴ Там же. Ф. р-23. Оп.1. Д. 19. Л. 35–36 об.

вывод: мусульмане России, без различия этнографического происхождения и несмотря на разнообразие языков, могут мыслить себя как особую нацию. Эта особая нация определяется принадлежностью к исламу и мусульманским сознанием» [10, с. 169]. С такой позицией большевики не могли согласиться.

Борьба за души и сознание мусульман началась с посулов мусульманскому населению бывшей Российской империи религиозных свобод, которых они так и не дождались. Однако, на фоне развития событий революции и гражданской войны, мусульмане не смогли стать одним народом. В каждом из них заговорила подавляемая многие годы национальная идентичность. Постепенно начинается расхождение понятий «мусульмане» и «тюрки», а после того, как «панисламизм» и «пантюркизм» были объявлены контрреволюционными движениями, из «тюрок» вычленили «татаро-башкир».

В середине 1920-х годов прошла пропагандистская кампания по изъятию из оборота термина «мусульмане» в связи с событиями в Поволжье и на Урале. Губсовнацмен 6 октября 1923 г. выпустил обращение, согласно которому «всем учреждениям нацмена, именующих себя мусульманскими, впредь именоваться татаро-башкирскими и удалить все внешние признаки (вывески, карточки и т. д.)»¹⁵.

Документы, сохранившиеся в Государственном архиве Пермского края, позволяют узнать, как функционировали сначала «мусульманские», а затем «татарские» и «татаро-башкирские» дошкольные и школьные учреждения в Перми.

По информации на 1921 г., в 7-летней школе № 8, ранее носившей название «2-я мусульманская школа 1-й ступени», обучалось 225 детей, разделённых на 7 групп. Они изучали родной язык, географию, историю и естествознание на родном языке (до 5-й ступени), затем те же предметы на русском языке; также изучались русский язык, математика, физика, словесность, музыка, пение, обществоведение и немецкий язык. В школе работало 10 учителей, из них, судя по фамилиям, 3 русских, 1 немец, 6 татар и/или башкир. Помимо собственно учебной нагрузки, преподаватели после учёбы вели кружки, в частности, в школе действовали драматический, библиотечный, физико-математический, литературно-издательский и политический кружки. В 1923 г. из-за нехватки технического персонала учителя на безвозмездной основе выполняли секретарскую работу. Поскольку с родителей обучающихся взималась определённая плата, а не все родители могли себе позволить изыскать средства на оплату обучения детей, некоторые дети прекращали учёбу, кто-то из учащихся даже не имел одежды и обуви, что также заставляло их бросать обучение¹⁶.

В другой татарской школе, ранее имевшей порядковый № 32, а впоследствии ставшей школой № 19, состав предметов был несколько иным. По данным на 1924 г., наряду с обществоведением, математикой, русским языком, пением, татарским языком здесь изучали географию, рисование, ручной труд, татарскую

¹⁵ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 79. Оп. 1. Д. 162. Л. 161.

¹⁶ ГАПК. Ф. р-118. Оп. 1. Д. 86. Л. 1–8.

историю. Проводились занятия по физическому воспитанию. Коллектив школы изыскивал средства на проведение ремонта и стремился заинтересовать учащихся общественным трудом путём проведения тематических выставок¹⁷.

В 1923 г. также было принято решение об открытии параллельной татарской группы в одной из школ Мотовилихи [4, с. 191–192]. Как мы видим, никаких религиозных предметов в учебных планах данных школ не содержалось. И если ещё в 1919 г. пермские педагоги жаловались на отсутствие новых учебников и обилие дореволюционных книг¹⁸, то уже к 1923 г. ситуация изменилась и в регион начали посылать новые учебники, изданные в Татарии¹⁹.

Дошкольное образование было представлено рядом учреждений. В частности, в середине 1920-х годов действовал татаро-башкирский детский сад, располагавшийся по адресу: ул. Советская, 9. В детском саду находились 45 детей, условия пребывания которых для того времени были очень неплохими: детсад находился в верхнем этаже просторного дома, имел 7 комнат, кухню, прихожую, тёплую уборную. В детском саду работали опытные педагоги, ведущие активную общественную и просветительскую деятельность. Посетивший для обследования садика чиновник отмечал: «Детский коллектив организован. Дети спокойно работают и играют. Не замечается ни ссор, ни каких-либо выходов. В саду чисто. Дети были заняты подготовкой к празднику 1 мая, разучивали песни и стихотворения, клеили каски, колпаки и т. д.»²⁰.

Действовали несколько татаро-башкирских детских домов. Детдом № 1 располагался по адресу: ул. Торговая, 60. Большинство его воспитанников были татарами, кроме того, было 2 мальчика-вотьяка и 1 русская девочка. Дети всех национальностей хорошо говорили и по-русски, и по-татарски, что позволяло избегать трудностей межнационального взаимодействия. Однако оставляло желать лучшего здоровье детей: «...совершенно здоровых детей только двое, все остальные дети – малокровные, туберкулёзные, трахоматозные...», а также их психологическое и физическое развитие: «...дети малоразвиты, неподвижны, не активны и не смелы в обращении с посторонними». Педагогический коллектив детдома состоял из русской заведующей и 4 воспитательниц-татарок с образовательным цензом. Отмечалась нехватка литературы и выделяемых средств²¹.

Очень тяжёлая ситуация царил в татаро-башкирском детдоме № 4, располагавшемся по адресу: ул. Троцкого, 210. В нём находились 67 человек при 7 педагогических работниках. Проверявшие его в ноябре 1926 г. детские социальные инспекторы были поражены царящей здесь антисанитарией, холодом, в результате чего дети всё время ходили в верхней одежде, спали в ней же ввиду отсутствия нижнего белья по трое на одной кровати (из-за нехватки мебели),

¹⁷ ГАПК. Ф. р-118. Оп. 1. Д. 86. Л. 1–4.

¹⁸ Там же. Ф. р-23. Оп. 1. Д. 19. Л. 13–15.

¹⁹ Там же. Л. 195.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 198.

«благодаря чему развелась масса насекомых и кожных заболеваний». Не хватало продуктов питания, посуды, отдельные воспитатели не адекватно исполняли свои обязанности. Поэтому «в детях чувствуется забитость, отсталость от общественной жизни», как отметили проверяющие²².

Во многих отчётах инспекторов о посещении школьных и дошкольных татаро-башкирских учреждений на основании общения с родителями детей отмечается, что «религиозные предрассудки среди рабочих и служащих ещё сильны»²³. И это было вполне естественно, ведь антирелигиозная пропаганда только набирала свои обороты, а прямых репрессий против священнослужителей и религиозных учителей ещё не было, хотя первые административные преграды для распространения религиозного просвещения уже начали претворяться в жизнь.

Параллельно с созданием советской системы образования для татаро-башкирского населения предпринимались активные меры по борьбе с мусульманскими религиозными школами: преподавание религии ограничивалось жёсткими административными рамками, закрывались уже существующие школы, властями не давалось разрешение на открытие новых. Так, 3 января 1923 г. было принято постановление Наркомата просвещения РСФСР «О преподавании мусульманского вероучения». Затем 9 июня 1924 г. вышло постановление Президиума Всероссийского Центрального Исполкома Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов «О мусульманском вероучении». На его основании Наркомат просвещения совместно с Наркоматом внутренних дел разработал инструкцию «О преподавании мусульманского вероучения среди восточных народностей, исповедующих мусульманское вероучение», утверждённую 27 июля 1925 г. Президиумом ВЦИК²⁴ [11, с. 151]. Данные документы запрещали преподавание религии в школе. В свою очередь, Президиум УралСовета, рассылая последний документ по местам, подготовил собственную инструкцию, в которой отмечалось, что борьба с религиозными предрассудками ни в коем случае не должна проводиться мерами администрирования. А потому главной задачей на будущее время должно стать принятие мер к расширению сети школ и других просветительских учреждений для татаро-башкирского населения

Согласно данному документу, 1) посещать занятия могли только дети с 14 лет, окончившие школу 1-й ступени; 2) обучение допускалось только в мечетях, которые по заключению органов просвещения и здравоохранения удовлетворяли всем санитарно-техническим требованиям; 3) с преподавателей бралась подписка о том, что кроме вопросов веры никаких других предметов они вести не будут; 4) преподавание должно было вестись в часы по окончании занятий в советских школах²⁵ [9, с. 54–55].

²² ГАПК. Ф. р-23. Оп. 1. Д. 19. Л. 199.

²³ Там же. Л. 197.

²⁴ Декрет «О преподавании мусульманского вероучения (октябрь 1923 года)». В: *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 207. Л. 184.

²⁵ ГАСО. Ф. р-233. Оп. 1. Д. 926. Л. 9.

Это нанесло серьёзный удар по преподаванию основ исламского вероучения. По отношению к тем муллам, которые пытались преподавать основы ислама в обход действующего законодательства, применялась административная и уголовная ответственность. В середине 1920-х гг. на Урале была проведена целая компания по закрытию «нелегальных медресе». В результате проведённой властями работы по ограничению религиозного обучения преподавание ислама почти повсюду на Урале было прекращено [12, с. 107–113]. Не стали исключением Пермь и Пермский округ. На съезде мусульманского духовенства 4-го Горно-Заводского района Уральской области, который проходил 5–7 сентября 1927 г. в соборной мечети Перми, имам-мухтасиб Зуфар Касимов констатировал: «В нашем районе религиозных школ открыто очень мало, только в некоторых приходах, как то: Пермь, Кояново, Канабеки. Причины неоткрытия в других приходах: 1. Трудность получения разрешения на открытие. 2. Разрешение заниматься только один раз в неделю. 3. Подавание (в некоторых местах) вероучителей в суд (имеется в виду привлечение преподавателей к уголовной ответственности. – А. С., И. Б.). Вот ввиду всего указанного население боится открывать религиозные школы»²⁶ [13, с. 344–345]. Окончательно были пресечены все попытки обучения населения основам ислама после репрессий мусульманского духовенства в конце 1920-х – 1930-е годы [13, с. 311–312] и закрытия соборной мечети в Перми в 1938 г. [14, с. 9–10]. В 1928 г. в Уральской области, куда входила и Пермь, были подведены первые итоги национальной политики на Урале в области народного образования. Количество национальных школ с 1925 по 1928 г. выросло на 29 %, количество учителей – на 28,5 %. Тем не менее материальная база татарских школ и профессиональный уровень педагогов были на порядок хуже, чем в русских школах. Из-за отсутствия дореволюционной базы здания школ не отвечали элементарным требованиям санитарии и гигиены, в школах были грубые скамейки, вместо парт – ветхие доски, во многих школах не было шкафов. Помещения были очень маленькими, 61,9 % школ имели менее одного кв. м на ученика. Качественный состав учителей по школьной переписи 1927 г. выявил, что среди татарских педагогов нет ни одного с высшим образованием; только 41,8 % окончили медресе, что соответствовало уровню младшей школы. Среднее образование имели 26,5 % педагогов, тогда как в русских школах дипломом о среднем образовании обладали 91,8 % учителей [13, с. 335–337].

С целью подготовки педагогических кадров для школ «нацмен» в Перми наряду с Екатеринбург, Троицком, Тобольском, Томском и другими городами был организован татаро-башкирский педагогический техникум. В Перми он был основан в 1929 г. как филиал Уральского педагогического техникума (г. Свердловск). С 1930 г. при Пермском педтехникуме существовало татаро-башкирское отделение. Фактической датой рождения педтехникума как самостоятельного учебного заведения является 19 ноября 1932 г.

²⁶ ГАСО. Ф р-102. Оп. 1. Д. 363. Л. 61 об.

По отчёту директора татаро-башкирского педтехникума Али Кензина, в 1930/31 учебном году на отделении учились 18 человек, а на июль 1932/33 учебного года – 141 человек. В 1933 г. состоялся первый выпуск учителей для татаро-башкирских школ 1-й ступени. Как отмечает екатеринбургский краевед Р. Бикбов, основной проблемой был недостаток помещений для занятий, студентам приходилось заниматься в коридорах и на лестницах. «Из-за отсутствия электроосвещения, – писал А. Кензин, – утренние и вечерние занятия велись при керосиновых лампах, причём одна лампа приходилась на целый класс, к тому же были перебои в отоплении техникума» [15].

Преодолев трудности становления в начале 1930-х гг., связанные с разделом имущества и помещений с Пермским педтехникумом, и с улучшением материальной базы и повышением уровня преподавания, к концу 1930-х гг. учебное заведение вышло на качественный новый уровень. В 1940 г. оно получило название «Молотовский татаро-башкирский педагогический техникум», в нём учились 254 студента, из них 77 получили дипломы выпускников. В техникуме работали 25 педагога, из которых 7 имели высшее, 11 – неоконченное высшее, а 7 – среднее образование. Техникум обеспечивал татаро-башкирские школы региона столь необходимыми там педагогами.

В 1942 г. техникум был переведён в с. Кояново Молотовской области, находился в ведении Наркомата просвещения Башкирской АССР. Обучение велось на дневном отделении по специальности «учитель начальных классов». К 1955 г. число обучающихся сократилось до 119 человек, из которых 30 составляли выпускники. При училище действовали кабинеты языка и литературы, физики и математики, географии, музыки, военный кабинет, мастерские, библиотека, актовый зал и общежитие для студентов. В 1956 г. техникум был преобразован в татарское отделение Осинского педагогического училища, однако в годы правления Н. С. Хрущёва, как и другие учебные заведения разных уровней для татар и башкир (как и большинство газет), техникум был закрыт. За годы работы техникума было подготовлено более 800 специалистов [4, с. 204–208].

После смерти И. В. Сталина образовательные учреждения для татар и башкир в Перми, как и по всей стране, прекратили свою работу, вследствие чего в послевоенное время начала происходить утрата языка и традиций.

Заключение

Демократизация общественной жизни в постсоветский период позволила вновь открыть в Перми учебные заведения разных уровней (курсы по изучению татарского языка, примечетские курсы, мусульманский колледж «Тарик», мусульманские гимназии) для татар и башкир и мусульман этих национальностей, живущих и работающих в Перми.

Изучение истории мусульманского и национального татаро-башкирского образования в Перми чрезвычайно важно при реализации современных образовательных программ, так как именно знание и опора на традиции позволяют уверенно смотреть в будущее.

Литература

1. Денисов Д. Н. Мусульманские молитвенные дома в промышленных поселках Южного Урала (конец XIX – начало XX века). *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009;(37):137–141.
2. Мухаметзянов А. А. *Трансформация институтов мусульманской общины Татарстана (1920–1930-е гг.)*. Казань; 2007. 182 с.
3. Старостин А. Н. *Мусульманское сообщество Среднего Урала в конце XIX – начале XXI вв.* Екатеринбург: Уральский государственный университет; 2010. 26 с.
4. Ахметов М. С. *Дыханье времени: этническое возрождение татар и башкир в Прикамье*. Пермь: ОТ и ДО; 2014. 444 с.
5. Пермская губерния. В: Тройницкий Н. А., Бечаснов П. А. (ред.) *Первая всеобщая перепись населения Российской империи*. СПб.: Центральный статистический комитет Министерства внутренних дел; 1904;31. 322 с.
6. *110 лет пермской соборной мечети*. Пермь: Духовное управление мусульман Пермского края; 2013. 24 с.
7. Загидуллин И. К. Махалля в промышленных поселениях в европейской части России и Сибири (XIX – начало XX вв.). В: Загидуллин И. К. (ред.) *Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Материалы научно-практической конференции (27–28 сентября 2005 г., г. Казань)*. Казань: Институт истории Академии наук Республики Татарстан; 2006:66–100.
8. Мухаметшин Р., Исхаков Д. Идеологические разногласия между представителями кадимизма и джадидизма. *Гасырлар авазы = Эхо веков*. 2007;(2):168–170.
9. Старостин А. Н. *Ислам в Свердловской области*. М.: Логос; 2007. 144 с.
10. Тагиров И. Р. *Революционная борьба и национально-освободительное движение в Поволжье и на Урале (февраль–июль 1917 г.)*. Казань: Издательство Казанского университета; 1977. 216 с.
11. Юнусова А. Б. *Ислам и мусульмане Южного Урала в историко-правовом пространстве России*. Уфа: ГУП РБ УПК; 2009. 382 с.
12. Старостин А. Н. Мероприятия советской власти по ликвидации мусульманской махалли на Среднем Урале в 1920–30-е гг. В: Мухетдинов Д. В. (ред.) *Фаизхановские чтения. Материалы пятой ежегодной научно-практической конференции «Российские мусульмане на пути к религиозному и образовательному единству»*. Н. Новгород: Издательский дом «Медина»; 2008:107–113.
13. Хайретдинов Д. З. (ред.) *Ислам на Урале*. М.: Издательский дом «Медина»; 2009. 480 с.
14. Михалева А. *История ислама в Пермской губернии, области, крае*. Пермь: Издательство Пермского муфтията; 2009. 108 с.
15. Бикбов Р. *Пермский татаро-башкирский педагогический техникум. 1932–33 гг.* Режим доступа: <https://rbvekprios.livejournal.com/56327.html> [Дата обращения: 20 января 2018 г.].

References

1. Denisov D. N. Muslim Prayer Houses in Industrial Towns of the Southern Urals (late 19th – early 20th Centuries). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009;(37):137–141. (In Russ.)
2. Mukhametzyanov A. A. *Transformation of the Institutions of the Muslim Community of Tatarstan (1920–1930)*. Kazan; 2007. (In Russ.)

3. Starostin A. N. *The Muslim Community of the Middle Urals in the late 19th – early 21st Centuries*. Yekaterinburg: Ural State University; 2010. (In Russ.)
4. Akhmetov M. S. *The Breath of Time. Ethnic Revival of Tatars and Bashkirs in Prikamye*. Perm: OT i DO; 2014. (In Russ.)
5. Perm Province. In: Troinitskii N. A., Bechasnov P. A. (eds) *The First General Census of the Russian Empire: Perm Province*. St. Petersburg: Tsentral'nyi statisticheskii komitet Ministerstva vnutrennikh del; 1904;31. (In Russ.)
6. *110 years of the Perm Cathedral Mosque*. Perm: Spiritual Administration of Muslims of the Perm Region; 2013. (In Russ.)
7. Zagidullin I. K. Makhalla in Industrial Settlements in the European Part of Russia and Siberia (19th – early 20th Centuries). In: Zagidullin I. K. (ed.) *Tatar Muslim Parishes in the Russian Empire. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (September 27–28, 2005, Kazan)*. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; 2006:66–100. (In Russ.)
8. Mukhametshin R., Iskhakov D. Ideological Disagreements Between Representatives of Kadism and Jadidism. *Gasyrlar Avazy = Ekho vekov*. 2007;(2):168–170. (In Russ.)
9. Starostin A. N. *Islam in the Sverdlovsk Region*. Moscow: Logos; 2007. (In Russ.)
10. Tagirov I. R. *The Revolutionary Struggle and the National Liberation Movement in the Volga Region and the Urals*. Kazan; Kazan University; 1977. (In Russ.)
11. Yunusova A. B. *Islam and Muslims of the Southern Urals in the Historical and Legal Space of Russia*. Ufa: Ufa polygraph combine; 2009. (In Russ.)
12. Starostin A. N. The Measures Taken by the Soviet Authorities to Eliminate the Muslim Mahalla in the Middle Urals in the 1920s and 30s. In: Mukhetdinov D. V. (ed.) *Faizkhanov's Readings. Materials of the 5th Annual Scientific and Practical Conference "Russian Muslims on the Path to Religious and Educational Unity"*. Nizhny Novgorod: Publishing House "Medina"; 2008:107–113. (In Russ.)
13. Khairtdinov D. Z. (ed.) *Islam in the Urals*. Moscow: Publishing House "Medina"; 2009. (In Russ.)
14. Mikhaleva A. *History of Islam in the Perm Province, Region, Kray*. Perm: Permskogo muftiyata; 2009. (In Russ.)
15. Bikbov R. *Perm Tatar-Bashkir Pedagogical Technical School. 1932–33 years*. Available at: <https://rbvekprou.livejournal.com/56327.html>. [Accessed 20 January 2018]. (In Russ.)

Информация об авторах

Старостин Алексей Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии Уральского государственного горного университета; доцент кафедры археологии и этнологии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Бибарсов Ильхам Анварович, председатель централизованной религиозной организации Духовного управления мусульман Пермского края (Пермский мухтасибат).

About the author

Alexey N. Starostin, Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor of the Department of Theology, Ural State Mining University; Associate Professor of the Department of Archeology and Ethnology, Ural Federal University.

Ilham A. Bibarsov, Chairman of the Centralized Religious Organization "Spiritual Administration of Muslims of Perm Krai (Perm Mukhtasibat)".